

УДК-32.019.51

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-87-97

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРЕОДОЛЕНИЕ ШКОЛЬНОГО НАСИЛИЯ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Н. К. Радина

Радина Надежда Константиновна,

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация.

Аннотация

В статье анализируется проблема преодоления школьного насилия в контексте ресурсов гражданского общества. Школьное насилие характеризуется с разных сторон (физическое и психологическое насилие, буллинг и моббинг, кибербуллинг и кибермоббинг и т.д.). Особое внимание уделяется такой деструктивной форме, как массовое школьное насилие (включая массовые школьные расстрелы). Проблема школьного насилия рассматривается также с точки зрения кросс-культурной перспективы: представлены основные выводы относительно насилия в школах на материале разных стран, включая Россию. Утверждается, что деятельность структур психологической помощи и структур безопасности в образовательных учреждениях в борьбе с школьным насилием эффективны только в случае взаимодействия с общественностью школы (сообществами детей, педагогов, родителей). Данный тезис доказывается на основе анализа психологических характеристик нападающих, социального контекста нападения, анализа особенностей действий сотрудников системы безопасности образовательного учреждения. Предотвращение насилия в образовательных учреждениях, таким образом, является одной из задач гражданского общества. В статье уделяется внимание роли доверия в сообществах, в том числе между школьниками и взрослыми, подчеркивается значение солидарности и сплоченности. Заключается, что только активность гражданского общества способна преодолеть индивидуальную агрессию и сделать образовательные учреждения более безопасными.

Ключевые слова: гражданское общество; насилие в образовательных учреждениях; школьные стрелки; доверие; донос; солидарность; кибердружина; ненасилие

Для цитирования: Радина, Н. К. (2026) 'Гражданское общество и преодоление школьного насилия: переосмысление проблемы', *Вестник Пермского университета. Политология / Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), сс. 87-97. 10.17072/2218-1067-2026-2-87-97

CIVIL SOCIETY AND OVERCOMING SCHOOL VIOLENCE: RETHINKING THE PROBLEM

N. K. Radina

Nadezhda K. Radina,

Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation.

Abstract

This article analyzes the problem of overcoming school violence in the context of available civil society resources. School violence is characterized from various perspectives (physical and psychological violence, bullying and mobbing, cyberbullying and cybermobbing, etc.). Particular attention is given to such a destructive form as mass school violence (including mass school shootings). The problem of school violence is also considered from a cross-cultural perspective. The main findings regarding school violence are presented based on data from various countries, including Russia. It is argued that the effectiveness of psychological support and security measures in combating school violence depends on their interaction with the school community, including children, teachers, and parents. The argument is supported by analyzing attackers' psychological

profiles, the social context of attacks, and security staff response patterns in educational settings. The prevention of violence in educational settings is thus identified as a key responsibility of civil society. The article examines the role of trust in civil society, particularly between children and adults, and underscores the value of solidarity and cohesion. The analysis concludes that only through active civil society engagement can individual aggression be overcome, thereby enhancing the safety of educational institutions.

Keywords: civil society; violence in educational institutions; school shooters; trust; denunciation; solidarity; cybersquad; nonviolence

For citation: Radina, N. K. (2026) 'Civil society and overcoming school violence: rethinking the problem', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), pp. 87-97. 10.17072/2218-1067-2026-2-87-97

Введение

В социальных исследованиях проблема школьного насилия в целом и массового насилия в образовательных учреждениях в частности находится преимущественно в поле психологического анализа (Давыдов, Хломов, 2018; Дозорцева и др., 2020; Клейберг, 2020; Ковалева, 2019; Gerard et al., 2016 и др.). Однако очевидно: в стремлении сохранить безопасность детей общество не может ограничиваться только психологическим анализом и психологическим сопровождением проблемы. Создание безопасных школьных пространств требует многостороннего анализа, а общественный статус проблемы свидетельствует о необходимости обсуждения социальных технологий с реальным превентивным потенциалом.

В данном обзорном исследовании на материале современных научных публикаций из разных предметных перспектив будет осуществлен поиск оснований для формулирования комплекса общественных действий в отношении сохранения безопасности в образовательных учреждениях. Особое внимание предполагается уделить тем ресурсам, которыми в контексте современной политической теории обладает гражданское общество как совокупность общественных отношений, институтов, ассоциаций граждан, независимых от государства, способное противостоять деструктивным социальным вызовам.

Цель статьи – представить возможности политической теории и социальные аспекты проблемы, а также ресурсы локальных групп и сообществ, связанных с образовательными учреждениями, в противодействии разрушительному феномену школьного насилия. Исходя из политологической перспективы, в статье будут представлены содержательные и организационные выводы относительно существования насилия в школе (формы, акторы, причины и т.д.) и на этой основе переосмыслены ресурсы общественных сил в противодействии данному негативному социальному фактору.

Политическая теория в интерпретации школьного насилия

Насилие в школе как отрефлексируемая и артикулированная проблема оказалось в числе «общественных зол» со второй половины XX в., а в российской действительности – в начале XXI в.

Понимание насилия в контексте политической теории также кардинально изменилось с середины прошлого века (Родионова, Смирнов, 2022). Согласно классическому подходу, насилие – публичный, волевой и наблюдаемый акт, совершаемый актором (индивидом, группой или государством), осознаваемый жертвой, утверждающий или разрушающий прежний социальный порядок. Понимание «нового» насилия зародилось в недрах критической социальной теории: общественная репрезентация насилия на данном этапе развития теории предполагала систематическую или эпизодическую опрессию (проявление власти), актор-наильник в «новой» интерпретации выступал как функция и порождение общественного дискурса, жертва – случайная и нерелексивная, не способная себя идентифицировать, а сам акт насилия характеризовался как разрушающий политическое поле и требующий сопротивления.

Понимание «нового» насилия в политической философии созвучно психологическим трактовкам: будущий наильник создается обществом в сетях страха перед «ближним» (Жижек, 2010), насилие – результат деструктивного сопротивления прекарности и уязвимости (Батлер, 2022), а в основе деструктивного акта лежат нанесенные в прошлом травмы (психотравмирование) (Герман, 2022). Внешне переосмысление насилия в политической теории представляется весьма психологично, в логике изменения политической науки после принятия идей фрейдизма, однако вывод о действиях в

концепции «нового» насилия вполне политологический и политический – ставка на сопротивление и практику общественного ненасилия (Аренд, 2014; Батлер, 2022; Жижек, 2010 и др.). Как сходство, так и отличие психологического подхода от политологического заключается в осмыслении роли общественного дискурса в воспроизводстве насилия: действительно, насилие порождается общественным дискурсом (в этом психология и политология едины), однако для предотвращения актов агрессии недостаточно выявлять и лечить потенциальных насильников (психологический подход), необходимо изменять непосредственно общество, включая реакцию на столкновение с насилием, ориентируя общество на ненасилие (политологический подход).

Джудит Батлер предлагает связать практику ненасилия с силой, которая отлична от деструктивного насилия и проявляет себя в союзах солидарности, тем самым отвергнув характеристику ненасилия как слабой и никчемной пассивности (Батлер, 2022).

Насилие в образовательных учреждениях: массовые расстрелы

Школьная жизнь – часть публичной сферы, поэтому большинство проблем «большого общества» естественным образом включается в социальную жизнь школы. Массовое насилие в школе, особенно массовые расстрелы, в последние годы изучались с особой тщательностью. Исследователи утверждают, что подобные нападения преимущественно спланированные, не импульсивные, об их подготовке всегда кто-то информирован. Межстрановый анализ массового насилия в образовательных учреждениях позволил сформулировать факторы, влияющие на специфику организации нападений (Agnich, 2015; Katsiyannis et al., 2018; Lankford, 2016):

- существует статистически значимая связь между национальным уровнем владения огнестрельным оружием и числом школьных стрелков в стране;
- к характеристикам культурного фактора, поощряющего подобные атаки, причисляют «социальную премию за славу» (внимание СМИ) и «культуру чести», регламентирующую поведение мужчин и мальчиков в условиях идентификации оскорбления;
- согласно гендерному фактору, более 90 % нападающих были мальчиками и юношами, они же чаще использовали огнестрельное оружие; атаки девочек и девушек, планирующих нападение, реже предполагали расстрел и чаще предотвращались;
- чем старше были нападавшие, тем успешнее они осуществляли преступление;
- к популярным периодам для осуществления массового насилия в школах исследователи относят начало и окончание учебного года;
- политическая программа может провозглашаться, однако речь идет о символическом насилии (школьные стрелки могут использовать идеологические термины, но в реальности нападающие, как правило, не являются членами политических организаций и не участвуют в политической деятельности);
- подобные преступления совершают как учащиеся образовательных учреждений, являющихся мишенями атаки, так и посторонние.

Таким образом, сравнительный анализ показывает нечто общее и «объективное», что может быть в зоне внимания и контроля правоохранительных органов или психологической службы школы, а также в зоне внимания общественности, например, детских общественных организаций или организаций, объединяющих родителей. Многие из перечисленных факторов и аспектов разрушительной агрессии непосредственно связаны как с коммуникацией в группе, так и с индивидуальным неблагополучием.

Кто нападает? Типологии школьных агрессоров

Создание типологий агрессоров и школьных стрелков затруднено из-за того, что исследователям, как правило, доступны следы событий, которые по какой-то причине были зафиксированы прессой, данные других специалистов в рамках уголовных дел, а также дневники и интернет-записи стрелков, если они были обнародованы (Pfeifer, Ganzevoort, 2014). Благодаря постсобытийному анализу было выяснено, что нападающие считают себя жертвами травли со стороны ровесников или жертвами несправедливости со стороны школьной администрации (Sommer et al., 2014), склонны к аутоагрессии, включая суицидальное поведение (Gerard et al., 2016), обладают выраженными нарциссическими чертами (Bushman, 2018), практически половина из них (более 40 %) до совершения преступления демонстрировала жестокое обращение с животными (Arluke, Madfis, 2014). В социальных контактах «школьные агрессоры» не просто одинокие или изолированные – они непричастные и обособленные, с верой в собственную исключительность (Gerard et al., 2016).

М. Иоанну, Л. Хаммонд и О. Симпсон рассмотрели 40 случаев стрельбы в школах с 1966 по 2012 г. в разных странах (США, Германия, Канада, Бразилия, Финляндия, Нидерланды и Аргентина) и предложили типологию стрелков, основанную на факторах риска (Ioannou et al., 2015). Исследователи идентифицировали три группы (типа) школьных стрелков. В первую группу (с проблемами эмоционального и/или психического здоровья) вошли социально изолированные правонарушители-юноши, принимающие лекарства и/или получающие терапию из-за проблем с психическим здоровьем; с диагностированным психическим расстройством; увлекающиеся жестокими видеоиграми и/или жестокими фильмами; в прошлом – жертвы школьной травли с мыслями о самоубийстве (в разговоре, письмах или рисунках); фантазирующие о насилии и ведущие дневник. Второй тип (отвергнутый школьный стрелок) – это правонарушитель, переживший недавний разрыв эмоциональных отношений, с попытками самоубийства в прошлом; с опытом домашнего насилия; отстраненный от занятий или исключенный из школы, из семьи, где родители могут злоупотреблять наркотиками и/или алкоголем. Третий тип (криминальный школьный стрелок) – интересуется оружием, возможно, с судимостью в прошлом; с опытом насилия; способный к планированию и осуществлению преступления с сообщником.

Данная типология раскрывает возможности окружающих в превентивной работе с потенциальным школьным агрессором. Опыт школьной травли, ориентация на жестокость в виртуальном мире, неблагополучная семейная ситуация – фон, порождающий акт нападения, следовательно, превентивная работа со школьниками предполагает создание «продуктивной социальности», конструирование общественных связей и сетей, поддерживающих школьников в критические минуты.

Как строится безопасность образовательных учреждений

Обсуждение проблем безопасности образовательных учреждений в контексте школьного насилия доминирует в англоязычном научном дискурсе. Важной внешней темой по отношению к подобным преступлениям оказывается анализ медийного сопровождения ситуаций с массовыми нападениями в школах, детских садах, университетах. Связывая медийное влияние и приобретение оружия после массовых школьных расстрелов, исследователи опираются на теорию Стэнли Коэна о моральных паниках, которая объясняет острые реакции общества в результате предвзятого изображения в СМИ какого-либо факта или явления, что затрудняет конструктивный выход из проблемных ситуаций (Fox et al., 2021; Luca et al., 2020; Madfis, 2016; Wallace, 2015). Во многом на основе медийных нарративов складывается терминологическое поле школьных расстрелов, возникают образы-маркеры типа «Колумбайн», поддерживаются идеи о вооружении учителей (Agnich, 2015).

Идея отвечать силой на силу (то есть вооружаться) – одна из очевидных идей для сохранения безопасности образовательных учреждений (Price, 2019). В исследованиях подчеркивается, что события в «Колумбайне» в 1999 г. (массовое убийство в школе, совершенное двумя учениками старших классов школы «Колумбайн», штат Колорадо в США) спровоцировали ошибочную стратегию усиления карательных дисциплинарных мер, наблюдение с помощью камер видеонаблюдения, обеспечение безопасности с помощью металлодетекторов и ограничения доступа в школы и университеты (Madfis, 2014). Однако эти решения лишены эмпирического обоснования: в современных школах устанавливают камеры слежения и вооруженных охранников для предотвращения «еще одного Колумбайна», однако эти меры уже применялись в данной американской школе и не остановили преступников, не предотвратили убийства.

Новая выдвигаемая стратегия защиты связана с контролем огнестрельного оружия (Gius, 2018) и созданием в образовательных учреждениях атмосферы доверия, когда учащиеся сообщают кому-либо из сотрудников образовательного учреждения о наблюдениях и сведениях, связанных с безопасностью (Katsiyannis et al., 2018; Gerard et al., 2016).

В исследованиях обсуждается «кодекс молчания», препятствующий доверительному информированию взрослых о планируемых нападениях, и действия взрослых по восстановлению доверия, которое способно спасти жизни детей, поскольку только сообщая о планах преступников возможно предотвратить нападения и обойтись без жертв (Madfis, 2014). Э. Мэдфис настаивает на том, что карательная политика не просто неэффективна, она активно контрпродуктивна, поэтому традиционные меры безопасности должны использоваться в сочетании с восстановлением доверия между обучающимися и сотрудниками образовательных учреждений.

Особое место в дискуссиях о безопасности занимают стратегии поведения учащихся и сотрудников в условиях атаки нападающего. Все возможные формы сопротивления условно разделены на две основные парадигмы: традиционную и новую многовариантную (Jonson et al., 2020). Первую пара-

дигму обычно называют «блокировкой», она предполагает во время нападения запираение дверей и пассивное «замирание» до прибытия полиции. Вторая парадигма (многовариантный ответ) опирается на блокировку, но также использует и другие варианты действий (от баррикад до эвакуации и активного сопротивления преступнику). Для иллюстрирования работы обеих парадигм исследователи рассматривают конкретные примеры, например, стрельбу в Технологическом институте Вирджинии, когда при активном сопротивлении жертв было значительно меньше, чем в помещениях, где использовалась пассивная реакция (Jonson et al., 2020; Jonson, 2017).

В настоящее время создаются специальные программы по типу информирования и тренинговых занятий, позволяющих отработать поведение в ситуации нападения. В основе этих программ лежат три основных правила: 1) по возможности покинуть место происшествия; 2) если невозможно убежать, необходимо забаррикадироваться при помощи предметов окружающей среды (например, стульями, столами), чтобы помешать стрелку проникнуть внутрь; 3) в крайнем случае необходимо отвлекать и активно сопротивляться путем бросания предметов и/или нападения на стрелявшего (Jonson et al., 2020).

Проблемы безопасности особенно остры, если речь идет не о посторонних нападающих, а об учащих, которые хорошо ориентируются в пространстве и знают, как войти в школу, минуя охрану. Значительные затраты на металлодетекторы и другие приспособления для идентификации оружия, привлечение охранных агентств и т.п. решают лишь часть проблем (Jonson, 2017). Ш.Л. Джонсон на конкретных примерах демонстрирует, что эффективность металлодетекторов проявляется в одних случаях и оказывается ничтожной в других, поэтому так важно полагаться не только (и не столько) на технические приспособления, сколько на человеческий фактор (участие всего коллектива образовательного учреждения в сохранении собственной безопасности через сообщения о возможных угрозах).

В исследованиях анализируются последствия нападений, обсуждаются различные формы посттравматических расстройств у выживших и свидетелей (Lowe, Galea, 2017), включая увеличение объема приема антидепрессантов у школьников (Rossin-Slater et al., 2020) и снижение показателей качества образования (резкий спад посещаемости, перевод учащихся в другие образовательные учреждения, ухудшение результатов тестов по математике и английскому языку и др.) (Beland, Kim, 2016; Reeping et al., 2021).

В контексте проблем безопасности в образовательных учреждениях рассматривается контроль за фанатскими группами и группами ненависти, предлагающим в сети поддержку преступникам, открыто демонстрирующим сочувствие школьным агрессорам и школьным стрелкам (по мотивам рассказов преступников о «вынужденной мести» за травлю и несправедливость) (Raitanen et al., 2019). Данные виртуальные группы несложно обнаружить, но практически невозможно контролировать (Raitanen, Oksanen, 2018). В то же время в данных сетях могут создаваться новые планы преступлений, формироваться деструктивные установки на проблему решения социальных конфликтов.

Российские исследования о нападениях в школах

Исследовательское поле проблемы «школьных расстрелов» зарубежными исследователями разрабатывается более 20 лет, проведены десятки сравнительных межстрановых исследований, каждое предметное поле в русле решения задач данной проблемы насыщается деталями и прирастает теориями. Представленные сравнительные исследования содержат и российский материал (см., например: Lankford, 2016), что позволяет воспринимать российский контекст как включенный в мировой научный дискурс о школьных преступлениях.

В последние годы в российских научных журналах появились статьи с поиском релевантных теорий для осмысления российского контекста проблемы «массовых расстрелов» (Клейберг, 2020), научные обзоры зарубежных проектов с частичным использованием российской эмпирики (Буров, 2025; Давыдов, Хломов, 2018), а также первые опыты моделирования процесса радикализации школьных стрелков (Карпова et al., 2021).

Выстраивается российская специфика нападений в образовательных учреждениях: изучаются конкретные случаи на российском материале (Карпова, Максимова, 2021), психологические характеристики российских школьных стрелков (Дозорцева и др., 2020), характеристики российских фанатских сообществ, посвященных российским школьным стрелкам (Чудинов и др., 2021), формулируются рекомендации по предотвращению преступлений, релевантные российским практикам (например, предлагается из учащихся создавать кибердружины, способные идентифицировать в сети признаки радикализации потенциальных стрелков для их дальнейшей блокировки) (Пучнин, Пучнина, 2021).

**Остановить насилие в образовательных учреждениях:
роль гражданского общества**

Противодействие массовым формам насилия в школе или университете традиционно рассматривается из психологической перспективы или из перспективы организационных изменений образовательных учреждений (усиление охраны, технологические совершенствования и т.д.). В то же время все аспекты, связанные с проблемой массового насилия, непосредственно касаются сообщества учащихся, педагогов и родителей. Так, агрессоры, претендующие на массовые убийства, в ряде случаев оказываются в прошлом мишенями школьной травли и/или исключенными из социальной школьной жизни. Выясняется, что достаточно часто до нападения потенциальные агрессоры сообщают о своих намерениях – в обычной или цифровой коммуникации, словно пытаясь манифестами привлечь внимание и остановить деструктивный поступок. Исследователи пишут о необходимости восстановления доверия между учащимися и школьной администрацией и взаимопомощи в превентивных действиях, поскольку не существует определенных «психологических профилей» потенциальных массовых убийц для оперативной идентификации «преступников»: психологизация проблемы не сможет помочь ее решению.

Однако из политологической перспективы «нового» теоретического прочтения насилия никто «... не обладает личным знанием обо всех членах группы или общества, и потому сами по себе личные отношения не могут быть использованы для контроля над насилием» (Норт и др., 2011: 57).

В докладе о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2023 г. подчеркивается, что солидарность и сплоченность – ведущие идеологемы социального развития (Доклад..., 2023). Сообщества учеников, педагогов, родителей – с кружками, родительскими комитетами, педагогическими группами и т.д. – органичная часть российского гражданского общества, поэтому ключевая идеологическая установка на солидарность и сплоченность может быть проанализирована с точки зрения профилактики насилия в образовательных учреждениях. С этой точки зрения, наиболее значимые аспекты в решении проблемы следующие:

- взаимодействие профессионалов безопасности образовательных учреждений (от школьных психологов до сотрудников подразделения по делам несовершеннолетних МВД) со всеми сообществами, так или иначе включенными в жизнь детских садов, школ и университетов, в том числе сообществами родителей;
- общественное противодействие всем формам насилия, общественный контроль за коммуникациями в публичной сфере для соблюдения принципов ненасилия;
- конструирование открытой коммуникации, демонтаж социального страха «стукачества» и доноительства, создание доверительных отношений с представителями власти в области общественной безопасности.

Доклад указывает на общественный дискурс, способный (не)воспроизводить насилие, и акцентирует роль социума – российского гражданского общества – в противодействии насилию. Открытым остается вопрос: как может общество противостоять насилию? На него отвечают политические философы: противостоять возможно ненасилием, связывая практику ненасилия с силой, отличной от деструктивного насилия, в союзах солидарности, аннигилируя характеристику ненасилия как слабой и никчемной пассивности (Батлер, 2022).

Идеология ненасилия в социальном взаимодействии является важным фактором профилактики школьной травли и активно продвигается психолого-педагогическим сообществом (Арпентьева, 2016). В то же время необходимо, чтобы сообщество родителей также разделяло идеологию ненасилия, чтобы каждый родитель на уровне трансляции ребенку правил взаимодействия с социумом разъяснял недопустимость насилия, в том числе и психологического. Понимание того, что жертва школьной травли (жертва в любой детской группе: и в классе, где обучается ребенок, за которого родитель несет ответственность, и в соседнем классе) спустя время может вернуться как агрессор – это понимание способно мотивировать родительское сообщество на более значительную поддержку школьных «профессионалов безопасности».

Идеология ненасилия, продвигаемая в содружестве сообществами образовательных учреждений, подкрепленная сотрудничеством с психологами и администрацией, способна выступить противовесом

для предотвращения возможных атак, поскольку «формальные институты контролируют насилие только при существовании организации, способной обеспечить безличное соблюдение правил» (Норт и др., 2011: 61).

Сообщества родителей и учителей могут открыто и свободно формулировать свою позицию относительно ненасилия во взаимодействии с детьми и подростками, для того чтобы в российском обществе происходило переосмысление отношения к насилию. Это особенно важно, учитывая современные российские ориентиры на традиционные ценности, где сила и агрессия, как и прежде, связываются с мужским поведением (Кон, 2010). Признавая право мужской гендерной группы на конструктивные формы агрессии (спорт, защита, конструктивные трансформации среды и т.п.), взрослым (родителям, педагогам, психологам и т.д.) необходимо обозначать и обосновывать личные границы в социальной коммуникации, разъяснять роль ненасильственного взаимодействия, обучая детей и подростков правилам общественной жизни здорового общества.

Что касается открытой коммуникации, необходимо также переосмысливать, перестраивать и в новом формате транслировать формы коммуникаций между обществом и институтами власти, включая сотрудников полиции и других подразделений, занимающихся охраной прав граждан. В исследованиях презрение к доносам («стукачество») связывается с советским и постсоветским наследием, «лагерным прошлым», недоверием власти в целом и сотрудникам МВД в частности (Айсин, 2015; Мамедова, Барышева, 2021). Переосмысление современных вызовов, а также возвращение доверия в отношении между властью и обществом требуют катализатора – общественных дискуссий – для того, чтобы общество более заинтересованно участвовало в обеспечении собственной безопасности. Предложенная исследователями форма общественных кибердружин для контроля цифровых коммуникаций школьников (Пучнин, Пучнина, 2021) может выступать продуктивной технологией возвращения доверия в процессе совместной активности власти и общества в сфере безопасности образовательных учреждений. Таким образом, обеспечение безопасности в образовательном пространстве возможно на основе развития различных форм солидарности и сплоченности российского общества.

Сложность перестройки отношения общества к насилию через общественную солидарность не вызывает сомнения. Исторический анализ показывает, что и в СССР с развитым детским движением, педагогическим контролем за детскими коллективами, встречалась школьная травля (см., например, известный художественный фильм «Чучело» режиссера Р. Быкова по мотивам одноименной повести В. Железникова, киностудия «Мосфильм», 1983). Современные социальные вызовы оставляют обществу выбор: поддаться угрозам, до последнего уклоняться от решения острых задач или искать ресурсы для сопротивления и преодолевать угрозы массовых преступлений в образовательных учреждениях, опираясь на солидарность и сплоченность российского общества.

Выводы

Пока насилие в образовательных учреждениях воспринимается как психологическая проблема неблагополучных одиночек, совершающих нападения и массовые убийства под давлением психотравмирующего опыта, преодоление этой проблемы выглядит сомнительно. Если же анализировать социальный фон, рассматривать данную проблему в контексте сопротивления насилию со стороны гражданского общества, ресурсы преодоления становятся очевидными.

Ключевым ресурсом сопротивления выступают солидарность и сплоченность, которые на уровне школьных сообществ (родителей, детей, педагогов и т.д.) способны противостоять идеологии насилия. Поскольку загнанная жертва впоследствии может выступать в роли агрессора, продолжая насилие на новом витке, именно противостояние любым формам насилия на «низовом уровне» повседневной коммуникации (формулирование и утверждение идеологием ненасилия) позволяет обеспечить прерывание токсичного круга. Солидарность и сплоченность сообществ поддерживает деятельность «профессионалов безопасности» в школьных образовательных пространствах, а открытая вертикальная коммуникация (учащихся и педагогов, родителей и школьной администрации, учащихся и сотрудников МВД и т.д.) позволяет заново создавать каналы доверия, разрушая стереотипы «стукачества».

Таким образом, именно социальный ресурс, работа гражданского общества способны преодолеть индивидуальную агрессию и сделать образовательные учреждения более безопасными.

Список литературы / References

- Айсин, Т. К. (2015) 'Недоверие общества к МВД: суть проблемы и возможные пути решения', *Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика*, 1, сс. 80-83. [Aisin, T. K. (2015) 'Public distrust of the Ministry of Internal Affairs: the essence of the problem and possible solutions', *Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism*, 1, pp. 80-83. (In Russ.)].
- Аренд, Х. (2014) *О насилии*. М.: Новое издательство [Arendt, H. (2014) *On Violence*. Moscow: Novoye izdatel'stvo (In Russ.)].
- Арпентьева, Р. М. (2016) 'Проблема социального порядка и насилие в школах', *Проблемы современного образования*, 5, сс. 39-49. [Arpentyeva, R. M. (2016) 'The Problem of Social Order and Violence in Schools', *Problems of modern education*, 5, pp.39-49. (In Russ.)].
- Батлер, Дж. (2022) *Сила ненасилия: сценка этики и политики*. М.: Издательский Дом ВШЭ [Butler, J. (2022) *The Power of Nonviolence: The Entanglement of Ethics and Politics*. Moscow: Izdatel'skiy Dom VSHE (In Russ.)].
- Буров, Ю. Б. (2025) 'Массовое убийство в образовательных организациях: феномен, механизмы, причины, профилактика', *Инновационное развитие профессионального образования*, 1 (45), сс. 122–133. [Burov, Yu. B. (2025) 'Mass murder in educational institutions: phenomenon, mechanisms, causes, prevention', *Innovative development of vocational education*, 1 (45), pp.122–133. (In Russ.)].
- Герман, Дж. (2022) *Травма и исцеление: последствия насилия от абьюза до политического террора*. М.: Эксмо [Herman, J. (2022) *Trauma and Healing: The Consequences of Violence from Abuse to Political Terror*. Moscow: Eksmo (In Russ.)].
- Давыдов, Д.Г., Хломов, К.Д. (2018) 'Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика', *Национальный психологический журнал*, 4(32), сс. 62-76. DOI: 10.11621/npj.2018.0406. [Davydov, D.G., Khlomov, K.D. (2018) 'Mass killings in educational institutions: mechanisms, causes, prevention', *National Psychological Journal*, 4(32), pp. 62-76. (In Russ.)].
- Дозорцева, Е. Г., Ошевский, Д. С., Сыроквашина, К. В. (2020) 'Психологические, социальные и информационные аспекты нападения несовершеннолетних на учебные заведения', *Психология и право*, 10(2), сс. 97-110. DOI: 10.17759/psylaw.2020100208 [Dozortseva, E. G., Oshevsky, D. S., Syrokvashina, K. V. (2020) 'Psychological, social, and informational aspects of attacks by minors on educational institutions', *Psychology and Law*, 10(2), pp.97-110. (In Russ.)].
- Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2023 год* (2023). М.: Общественная палата Российской Федерации [Report on the state of civil society in the Russian Federation for 2023 (2023). Moscow: Obshhestvennaya palata Rossijskoj Federacii (In Russ.)].
- Жижек, С. (2010) *О насилии*. М.: Издательство Европа [Zizek S. (2010) *On Violence*. Moscow: Izdatel'stvo Yevropa (In Russ.)].
- Карпова, А. Ю., Максимова, Н. Г. (2021) 'Скулшутинг в России: что имеет значение?', *Власть*, 1, сс. 93-108. DOI: 10.31171/vlast.v29i1.7920. [Karpova, A. Yu., Maksimova, N. G. (2021) 'School-shooting in Russia: What Matters?', *Vlast*, 1, pp.93-108. (In Russ.)].
- Клейберг, Ю. А. (2020) 'Шутинг как психолого-девиантологический феномен', *Вестник экспериментального образования*, 1(22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shutting-kak-psihologo-deviantologicheskij-fenomen> (дата обращения: 29.12.2025). [Kleiberg, Yu. A. (2020) 'Shooting as a psychological-deviantological phenomenon', *Journal of experimental education*, 1(22) (In Russ.)].
- Кон, И. С. (2010) 'Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире', *Этнографическая мозаика*, 6, сс. 99-114. [Kon, I. S. (2010) 'Changing Men in a Changing World', *Jetnograficheskaja mozaika*, 6, pp. 99-114. (In Russ.)].
- Мамедова, Ф.Ф., Барышева, К.А. (2021) 'Уголовно-правовой запрет на несообщение о преступлении (правовые и нравственные аспекты)', *Право Журнал Высшей школы экономики*, 5, сс. 122–147. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.5.122.147 [Mamedova, F. F., Barysheva, K. A. (2021) 'Criminal-legal ban on failure to report a crime (legal and moral aspects)', *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 5, pp. 122–147. (In Russ.)].

- Норт, Д., Уоллис, Д., Вайнгаст, Б. (2011) *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Издательство Института Гайдара [North, D., Wallis, D., Weingast, B. (2011) *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Written Human History*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara (In Russ.)].
- Пучнин, А. В., Пучнина, М. Ю. (2021) 'Влияние деструктивного интернет-контента на формирование колумбайн-идей среди несовершеннолетних', *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 3(91), сс. 115-120. DOI: 10.35750/2071-8284-2021-3-115-120 [Puchnin, A. V., Puchnina, M. Yu. (2021) 'The Influence of Destructive Internet Content on the Formation of Columbine Ideas Among Minors', *Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 3(91), pp. 115-120. (In Russ.)].
- Родионова, М. М., Смирнов, Н. М. (2022) 'Корабль Тесея: трансформации понятия насилия в политической и социальной теории', *Полития*, 3 (106), сс. 6-27. DOI: 10.30570/2078-5089-2022-106-3-6-27 [Rodionova, M. M., Smirnov, N. M. (2022) 'The Ship of Theseus: Transformations of the Concept of Violence in Political and Social Theory', *Politeia*. 3 (106), pp. 6-27. (In Russ.)].
- Чудинов, С. И., Сербина, Г. Н., Мундриевская, Ю. О. (2021) 'Сетевая организация скулшутеров в социальной сети «ВКонтакте» на примере фанатского сообщества «керченского стрелка»', *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4, сс. 363-383. DOI: 10.14515/monitoring.2021.4.1740 [Chudinov, S. I., Serbina, G. N., Mundrievskaya, Yu. O. (2021) 'Network organization of school shooters on the social network 'VKontakte' using the example of the fan community of the 'Kerch shooter'', *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 4, pp. 363-383. (In Russ.)].
- Agnich, L. E. (2015) 'A Comparative Analysis of Attempted and Completed School-Based Mass Murder Attacks', *American Journal of Criminal Justice*, 40 (1), pp. 1-22, DOI: 10.1007/s12103-014-9239-5
- Arluke, A., Madfis, E. (2014) 'Animal Abuse as a Warning Sign of School Massacres: A Critique and Refinement', *Homicide Studies*, 18 (1), pp. 7-22, DOI: 10.1177/1088767913511459
- Beland, L.-P., Kim, D. (2016) 'The Effect of High School Shootings on Schools and Student Performance', *Educational Evaluation and Policy Analysis*, 38(1), pp. 113–126, DOI: 10.3102/0162373715590683
- Fox, J.A., Sanders, N.E., Fridel, E.E., Duwe, G., Rocque, M. (2021) 'The Contagion of Mass Shootings: The Interdependence of Large-Scale Massacres and Mass Media Coverage', *Statistics and Public Policy*, 8(1), pp. 53-66, DOI:10.1080/2330443X.2021.1932645
- Gerard, F.J., Whitfield, K.C., Porter, L.E., Browne, K.D. (2016) 'Offender and Offence Characteristics of School Shooting Incidents', *Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling*, 13 (1), pp. 22-38, DOI: 10.1002/jip.1439
- Gius, M. (2018) 'The effects of state and Federal gun control laws on school shootings', *Applied economics letters*, 25(5), pp. 317-320, DOI: 10.1080/13504851.2017.1319555
- Ioannou, M., Hammond, L., Simpson, O. (2015) 'A model for differentiating school shooters characteristics', *Journal of Criminal Psychology*, 5 (3), pp. 188-200, DOI: 10.1108/JCP-06-2015-0018
- Jonson, C. L. (2017) 'Preventing School Shootings: The Effectiveness of Safety Measures', *Victims and Offenders*, 12(6), pp. 956-973, DOI: 10.1080/15564886.2017.1307293
- Jonson, C. L., Moon, M. M., Hendry, J. A. (2020) 'One Size Does Not Fit All: Traditional Lockdown Versus Multioption Responses to School Shootings', *Journal of School Violence*, 19(2), pp. 154-166, DOI: 10.1080/15388220.2018.1553719
- Karpova, A., Savelev, A., Maksimova, N. (2021) 'Modeling the Process of School Shooters Radicalization (Russian Case)', *Social Sciences*, 10, p. 477, DOI: 10.3390/socsci10120477
- Katsiyannis, A., Whitford, D. K., Ennis, R. P. (2018) 'Historical Examination of United States Intentional Mass School Shootings in the 20th and 21st Centuries: Implications for Students, Schools, and Society', *Journal of Child and Family Studies*, 27

- (8), pp. 2562-2573, DOI: 10.1007/s10826-018-1096-2
- Lankford, A. (2016) 'Public mass shooters and firearms: A cross-national study of 171 countries', *Violence and Victims*, 31(2), pp. 187-199, DOI: 10.1891/0886-6708.VV-D-15-00093
- Lowe, S. R., Galea, S. (2017) 'The Mental Health Consequences of Mass Shootings', *Trauma, Violence, and Abuse*, 18(1), pp. 62-82, DOI: 10.1177/1524838015591572
- Luca M., Malhotra D., Poliquin C. (2020) 'The Impact of Mass Shootings on Gun Policy', *Journal of Public Economics*, 181, p. 104083, DOI: <https://doi.org/10.1016/j>
- Madfis, E. (2014) 'Averting School Rampage: Student Intervention Amid a Persistent Code of Silence', *Youth Violence and Juvenile Justice*, 12(3), pp. 229-249, DOI: 10.1177/1541204013497768
- Madfis, E. (2016) "'It's Better to Overreact": School Officials' Fear and Perceived Risk of Rampage Attacks and the Criminalization of American Public Schools', *Critical Criminology*, 24(1), pp. 39-55, DOI: 10.1007/s10612-015-9297-0
- Pfeifer, B., Ganzevoort, R. R. (2014) 'The Implicit Religion of School Shootings: Existential Concerns of Perpetrators Prior to Their Crime', *Journal of Religion and Violence*, 2(3), pp. 447-459. DOI: 10.5840/jrv20153172
- Price, J. H. (2019) 'School Firearm Violence Prevention Practices and Policies: Functional or Folly?', *Violence and Gender*, 3(6), pp. 154-167, DOI: 10.1089/vio.2018.0044
- Raitanen, J., Oksanen, A. (2018) 'Global Online Subculture Surrounding School Shootings', *American Behavioral Scientist*, 62(2), pp. 195-209, DOI: 10.1177/0002764218755835
- Raitanen, J., Sandberg, S., Oksanen, A. (2019) 'The bullying-school shooting nexus: Bridging master narratives of mass violence with personal narratives of social exclusion', *Deviant Behavior*, 40(1), pp. 96-109, DOI: 10.1080/01639625.2017.1411044
- Reeping, P. M., Gobaud, A. N., Branas, Ch. C., Rajan, S. (2021) 'K-12 School Shootings Implications for Policy, Prevention, and Child Well-Being', *Pediatric Clinics of North America*, 68(2), pp. 413-426. DOI: 10.1016/j.pcl.2020.12.005
- Rossin-Slater, M., Schnell, M., Schwandt, H., Trejo, S., Uniat, L. (2020) 'Local exposure to school shootings and youth antidepressant use', *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 117(38), pp. 23484-23489, DOI: 10.1073/pnas.2000804117
- Sommer, F., Leuschner, V., Scheithauer, H. (2014) 'Bullying, Romantic Rejection, and Conflicts with Teachers: The Crucial Role of Social Dynamics in the Development of School Shootings', *A Systematic Review International Journal of Developmental Sciences*, 8(1-2), pp. 3-24, DOI: 10.3233/DEV-140129
- Wallace, L. N. (2015) 'Responding to violence with guns: Mass shootings and gun acquisition', *Social Science Journal*, 52(2), pp. 156-167, DOI: 10.1016/j.soscij.2015.03.002. .

Статья поступила в редакцию: 26.01.2026

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 13.04.2026

Статья принята к печати: 30.04.2026

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Радина Надежда Константиновна, доктор политических наук, профессор, профессор Института международных отношений и мировой истории.
E-mail: rasv@yandex.ru (ORCID: [0000-0001-8336-1044](https://orcid.org/0000-0001-8336-1044)).

Information about author

Nadezhda K. Radina, Doctor of Sciences (in Politics), Professor, Institute of International Relations and World History.
E-mail: rasv@yandex.ru (ORCID: [0000-0001-8336-1044](https://orcid.org/0000-0001-8336-1044)).